

Мечты поклонника немецкого империализма оказались разбитыми суровой действительностью. Немецкий империализм потерпел на всех фронтах полное поражение. Балтийские провинции были освобождены от оккупационных властей. Литва и Латвия, в состав которой вошла Курляндия, заключили мир с Советской Россией на принципе национального самоопределения. Началась новая жизнь

для Литвы и Латвии, но несколько иная, чем предполагал д-р Михаелис. Для истории войны и немецкой оккупации Литвы и Курляндии эти корреспонденции, объединенные в одной книге, конечно, будут не бесполезными, так как написаны тонким наблюдателем происходивших вокруг него событий. Книга издана весьма изящно. Великолепны рисунки в красках.

В. Пичета.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

А. СУВОРИН. Поход Корнилова (воспомин. участника), 2 изд. Ростов н/Д. 1919 г.

Среди исторических источников воспоминания занимают своеобразное место. Это—источник чрезвычайно субъективный, но в то же время он дает возможность проникнуть в самую глубину события, узнать и понять его сокровенные, интимные стороны.

Воспоминания контр-революционеров в этом отношении очень интересны, они дают много такого, о чем еще долго будут молчать официальные документы и акты.

Воспоминания Суворина сейчас, пока корниловщина еще не изучена, имеют первоклассный интерес. Написаны и издачу они были в то время, когда контр-революция была уверена в своих силах. Вокруг имени Корнилова среди контр-революционеров создавался своего рода культ. Суворин был участником корниловского похода, был почти очевидцем его смерти. Суворин знал несравненно больше, чем написал, но и то, о чем он писал, заслуживает глубокого внимания. Чрезвычайно интересны сведения, сообщаемые Сувориным о начале деятельности Корнилова на Дону, об его отношении к коммунистам, о настроении населения Кубани и его отношении к отрядам Корнилова.

«Для разрешения финансово-экономических вопросов, вызывавшихся ходом организации Добр. Армии, образовалось в Новочеркасске «Экономическое Совецание», и с удивлением и болью,—пишет Суворин,—я узнал, что в совещании

этом по финансовой части главную роль играет такое финансовое ничтожество, как М. М. Федоров, по политической—такая темная неизвестность, как С. С. Щетинин, затем там участвуют семидесятилетнее «честное дитя» П. Б. Струве, тригонометр дипломатии кн. Трубецкой, террорист Б. Савинков, мужественно и успешно боровшийся с царями Романовыми, но с царем Лениным вдруг потерявший и былую энергию и «звезду» и т. п.

— У вас М. М. Федоров объявляет себя представителем московско-финансового центра,—сказал я Корнилову,—но в Петрограде-то хорошо известно, что если где является имя М. М. Федорова, то это верный признак, что там крупных денег нет и не будет, пока его не сметят другим.—«Похоже на правду», как-то для себя произнес Корнилов сурово. Он, видимо, был бессилен что-либо изменить во всем этом.—Никакого московского финансового центра нет,—продолжал я...—Во всяком случае не он за спиной Федорова. Тут есть просто банковская делецкая операция: несколько петербургских банков сложились по 20—30 т. каждый и, набрав со всех 300—400 тысяч, послали с ними Федорова разноухать, что делается в Новочеркасске и нельзя ли тут у трюма крупное и выгодное дело, например, захватить под свой контроль государственный банк нового правительства при самом его зарождении... 300—400 т.— вот все, что может быть в руках у Федорова» (стр. 6).

Это сообщение хотя и не дает полного ответа на вопрос, но чрезвычайно ха-

рактарно. Финансировали контр-революцию банковские дельцы. Главный организатор Добр. Армии, сподвижник Корнилова ген. Алексеев на вопрос об источнике средств для Добр. Армии отвечал довольно определенно. 18 янв. 1918 г. в кабинете М. Богаевского в Ростове-на-Дону состоялось совещание представителей войскового правительства с ген. Алексеевым по вопросу об отношении донского правительства к деятельности ген. Корнилова и Алексева. Здесь, на этом совещании, на вопрос: «Откуда вы получаете средства для существования? — ген. Алексеев сказал: «Средства, главным образом, национального характера и добываются путем добровольных пожертвований частных лиц. Кроме того, не скрою от вас, что некоторую поддержку мы имеем и от союзников, ибо, оставаясь верными до сих пор союзным обстоятельствам, мы тем самым приобрели право на эту с их стороны поддержку» («Донск. Волна», 1919 г. № 13).

Борьба с большевизмом, по мнению Корнилова, должна быть борьбой на уничтожение. «Отпуская офицерский батальон из Новочеркасска в середине января 1918 г., — рассказывает Суворин, — Корнилов напутствовал его словами, в которых выразился точно его взгляд на большевизм: по его мнению, это был не социализм, хотя бы самый крайний, а призыв людей без совести людьми тоже без совести к погрому всего трудящегося и государственного в России. Он сказал: не берите мне этих негодяев в плен. Чем больше террора, тем больше будет с нами победы!» (стр. 8). Такой лозунг бросала кучка офицеров, такая задача ставилась ими, и, как свидетельствует сам участник корниловского похода Суворин, в трудовом населении Кубани они не встречали сочувствия. Корниловский лозунг террора сводился к террору против трудящихся вообще. Путь Корнилова был устлан трупами расстрелянных крестьян и освещен заревом пожаров сожженных корниловцами деревень. Вот что пишет Суворин: «... Перейдя паромом вброд реку (Лабу), мы потянулись по равнине среди хуторов... Населены они были «иногородними» ярыми большевиками, а не каза-

ками. Жители их встречали разезды наши выстрелами или просто оставляли хаты, уходя сами и уводя с собою крупную «худобу» — животину. Медленно брели мы между хуторами, задерживаясь и отстаиваясь, выжидая, когда наши боевые части откроют нам проход дальше... Позади нас и с боков поднимались столбы дыма над запаленными нами в наказание хуторами «иногородних»... (стр. 59).

Далеко не сочувствовали корниловцам и казаки. «В каждой из проходимых нами донских станиц, — свидетельствует Суворин, — Ольгинской, Хомутовской, Качальницкой, Мечетинской, Корнилов собирал сход и говорил речь, побуждая присоединиться к Добр. Армии. Речи его вызывали сочувственные ответы «стариков», но фронтовая молодежь отмалчивалась, не решаясь в присутствии грозного генерала, которого она попросту боялась, выступать со своими обычными уверениями, что-де большевики — друзья «трудового казачества» и не тронут станиц и хуторов» (стр. 29).

Политические представления корниловцев были крайне спутаны. Вот, например, как передает Суворин свою беседу с каким-то офицером из отряда Корнилова. Беседа происходила на берегу реки Кубани в момент переправы для штурма Екатеринодара.

«С видимым желанием сразу огорошить меня, «петербуржца» по платью, офицер сказал: «Я ведь монархист! Как и большинство офицеров армии». Я не смутился... «Монархия должна быть конституционной!» На это Суворин возразил: «Не в одном, так в другом десятилетии «царь» всегда преподнесет стране позор, который отбросит ее на сто лет назад. Офицеры эти просто не видят того, что желается им не царь, а диктатор, и что, будучи «монархистами», они потому так слепо идут за Корниловым, что он и есть прирожденный диктатор, т.-е. то самое, что им и нужно». — «С этим я готов согласиться! Пусть будет диктатор — это сильнее царя», сказал офицер. — «Конечно, сильнее. Он и введет порядок» (стр. 93).

Подробно описывает Суворин встречу корниловцев с отрядом Кубанской рады, выгнанной из Екатеринодара, довольно

подробно описанную и в воспоминаниях, изданных под псевдонимом «Кубанец»; этот момент ничего особо интересного не представляет и имел лишь обостренный политический интерес в момент размолвки Кубанской рады с командованием Добр. Армии. Спорили о том, кому должна принадлежать военная верховная власть. По свидетельству Суворина, она была признана за Корниловым.

Много места отводит Суворин описанию боевых операций Добр. Армии во время корниловского похода, описывает подробно смерть Корнилова, отдельные «подвиги» участников корниловского отряда и т. п. Цель этих воспоминаний — возвеличить и украсить образ Корнилова. Но под слоем агитационной тенденциозности видны черты исторической правды. Под крыло развенчанного генерала сбегается свора темных дельцов, финансовых аферистов, политических авантюристов и тому подобной публики из мира банкиров и московских буржуев. Идею руководство находится в руках партии к.-д. Вся эта свора объявляет смертельную борьбу трудящимся, обрекая всех в жертву террору. Численно ничтожная, не встречающая поддержки и сочувствия в рядах крестьянства и казачества, она все более и более распускает крылья террора.

Ее орудием служат сбежавшие к ней офицеры, гимназисты, женщины-ударницы, кадеты и т. д., политически темные, не развитые, желающие лишь одного «порядка», — который мыслится ими в восстановлении всего, что было с царем, или, еще лучше, диктатором во главе, так как «это — сильнее царя».

С. Пионтковский.

РЫЦАРИ ТЕРНОВОГО ВЕНЦА. Воспоминания члена Госуд. Думы Л. В. Половцева о 1-м Кубанском (ледяном) походе ген. М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова и А. И. Деникина. Прага. 219 стр.

В этих «воспоминаниях» одного из организаторов Добр. Армии дается история первого Кубанского похода, главным образом, описание боев, с

примерами мужества, доблести и величия участников похода и презренной низости их врагов. Этот поверхностный очерк написан крайне тенденциозно, с вполне определенным желанием не сказать лишнего. Автор говорит только лишь о хорошо известном и дает даже гораздо меньше для истории Корниловского похода, чем, например, записки Суворина. Во многих отношениях Половцев подтверждает показания Суворина. Так, он категорически утверждает, что, «получив от союзников твердое обещание оказать армии возможно скорую помощь деньгами и заручившись согласием донского атамана генерала Каледина, генерал Алексеев выработал план добровольческой организации и немедленно приступил к его выполнению» (стр. 10). Глухо указывает автор «воспоминаний», что обещали финансировать Алексеева московские и петроградские организации, называет случайно, по отдельному поводу, Гучкова, как знавшего об организации и содействовавшего ей.

Интересно вскользь брошенное сообщение о том, что заговор против новой России обсуждался Корниловым еще во время его заключения в Быховской тюрьме, из которой велись постоянные сношения с генералом Алексеевым. «Там, в Быховской тюрьме, — пишет Половцев, — обдумывались прежние ошибки и создавались новые комбинации. С генералом Алексеевым поддерживались постоянные сношения» (стр. 31).

Таких случайных обмолвок довольно много в «воспоминаниях». Они указывают на то, что автор знает очень много, но говорит об этом лишь случайно и глухо.

Самое интересное, что можно извлечь из этих «воспоминаний», это — показание автора о классовом составе корниловской армии, об ее социальной физиономии. «Половина состояла из офицеров, из лучших офицеров армии, так оскорбленных в своем достоинстве этими же солдатами».

«Нижними чинами в армии были — инженеры, адвокаты, земские и городские деятели, журналисты и, главным образом, учащая молодежь — юнкера, студенты, гимназисты и кадеты всех кадетских корпусов, откуда и пошло